

Семь лет отдан был я в музыкальную школу. Так распорядилась судьба. И родители. Я не помню, что стало причиной перевода этой музыкальной школы из района в наш дальний поселок при заводе на краю города, в его неприглядный клуб. Но теперь, спустя полвека, я знаю, что это перемещение стало для меня судьбоносным. Прежде музшкола была где-то в центре района, но попала под снос для застройки нового микрорайона, развивающегося к югу города. Прием в школу, когда ко-

миссия выясняла, какую клавишу на пианино мне следует нажать, чтобы прозвучала та нота, что нажимали они, когда я отвернулся, – это разговор особый. Отдельно можно вспоминать и годы учебы в ней, с неподвластным моему юному уму сольфеджио. Франц Йозеф Гайдн для меня был открывателем Земли Франца Иосифа. В ногах у меня, у моего дивана, прямо на печке висела карта земных полушарий, и географию я знал лучше, чем музыкальную литературу и сольфеджио. Этим, высказанным

Тюменская область. Охотничья избушка

вслух знанием на уроке музлитературы я, первоклассник, немало насмешил преподавателя.

Напрасно, как я думаю, меня отдали в музшколу в тот же год, как и в первый класс. Ведь я, хоть и успел благодаря маминым усилиям познать азбуку и к тому времени по складам читать «Муху-Цокотуху», но записывать в толстые «общие» тетради премудрости сольфеджио и музлитературы я явно не успевал, как и не понимал элементарной музыкальной «азбуки». Всех этих скрипичных и басовых ключей, диезов и бемолей. Было это не для моего детского ума. Во-первых, в моем музыкальном классе я был самым младшим. Остальные учились в своих школах в третьих и пятых классах и успевать записывать незнакомые слова за диктовкой преподавателя им было проще. А мне хотелось не отставать в обычной школе, постигать ее науки и еще успеть поиграть. Не на баяне, «по классу» которого я учился, а просто поиграть со сверстниками. На улице. Помастерить в сарае из дерева отцовыми инструментами скворечники, автоматы и мечи, сбивая руки до мозолей. А потом на уроке «Игра на инструменте», едва залиговывал всю примитивную партитуру народной песни «Как под горкой под горой» и на вопрос: а ты занимался? я отвечал: да, долго. И показывал мозоли на руках, якобы от долгой игры на инструменте. Чем страшно смешил преподавателя. Музыкальную школу я закончил в том же, еще неосознанном возрасте. Но зато лихо, «на слух», играл Полонез Огинского. На слух играть его казалось интереснее, чем заглядывать в партитуру, в которой стояло столько бемолей. По радио

он звучал часто. Настолько часто, чтоб я мог воспроизвести его на баяне так, как смогла воспринять его душа маленького человека. А партитура лежала рядом. Условно. Невостребованной.

Оттого потом, когда в стенах музшколы на экзаменах отзвучали ноты, мною воспроизведенные, и высказано все то, что осталось у меня в памяти на экзаменах по музлитературе и сольфеджио, и проставлена комиссией последняя тройка в графе напротив моей фамилии, я вложил баян в чехол и засунул его пылиться под кровать.

Пылиться не получилось: страна чуть ли не каждую неделю праздновала праздники, да еще и пошли свадьбы у моей родни. Очень поющей. Иметь под рукой племянника, закончившего музыкальную школу и не играющего на праздниках и свадьбах, было бы непонятно. И я почти каждый выходной все снова и снова доставал из-под кровати с шишечками на грядушках не успевший запылиться футляр. Постигать канву музыкальных тем деревенских припевок и матань, равно как и забывать аккорды «полонеза Огинского», хоть и неточно мною освоенного, мне не давала родня. А родни у нашей семьи было много.

Только родных братьев – сестер у родителей было на круг девять. И если не случался красный день календаря на висящем у двери отрывном численнике, то дни рождения родни случались непременно. И я втянулся в эту фольклорную стихию. Тем более родня попереженчилась на хохлах, донских и уральских казаках. И каждому на празднике нужна была песня. От близких душе послевоенных песен «советских композиторов» до тех,

что напоминали родину, пелись в родных избах, куренях и хатах. Так я научился «подбирать». Нет

музыкальной школы выше и интереснее, чем желание быть в ладу с этими народными песнями.

ГАРМОНЬ ПЕРВАЯ

Незадолго до окончания школы умер мой дед. Была у него балалайка и гармонь. Обе они достались мне. Я до сих пор помню, как третья кнопка на гармонии – простой тульской гармонии, черной, совнархозовской, 1956 года выпуска, западала на басах. Помню – не на ощупь, а средним пальцем на левой руке. Помню, а не играю на ней по простой причине: ее у меня нет. Ее украли. По моей же глупости.

После моего девятого класса поздними летними вечерами собирались у клуба, в скверике, сверстники – «дружить». Духота спадала, зудели комары, за клубом, в камышах, квакали молодые лягушки, и клен американский нес пыль и томный сухой, горьковато-сладкий запах коренного лета. Девчонки поселковые были разобраны все до одной моими ровесниками – ведь руки мои были заняты кнопками гармонии. Оставалась одна, моложе меня на год. Она и училась отчего-то в другой школе (кажется, переехала к нам в поселок, да так и осталась учиться в своей школе). Её и присватала мне вся «дружившая» ватага.

– Сань, ну и чего ты? Ленка же не занята. Может, дружи с ней?

– Да, Сань, давай! Она одна свободная, – толкая под локоток, говорил Витька, мой сосед.

Так, молча, стали мы с ней «дружить». Способов «дружить» было мало: сидеть на крыльце клуба, отмахиваясь от комаров. Бренчать на гитаре песни про то, как девчонку отсидевшего героя песни молнией

убило. Трепаться, вставляя матерщинку. Курить почти свободно. Ведь на крыльце темно, а лишнюю лампочку на фонаре, висевшем на столбе напротив крыльца, предусмотрительно сбивали камнями. И даже если кто-то из поселковых взрослых возвращался в позднюю пору мимо клуба с автобуса, он никак не мог идентифицировать курильщиков.

А потом расходились «проводить». Дорога от клуба в поселок была одна, с несколькими фонарями, и хоть и расходились не сразу, пара за парой, но вслед идущим никогда не было видно, куда делась пара предыдущая. У меня, оставшегося с Ленкой и гармошкой, выбора не было. Мне предстояло провожать ее. Но отчего-то гармонь показалась мне лишней. И я нашел куст погуще и сховал ее там. Назавтра, чтобы сегодня не тащиться с ней. И пошел ее провожать. За всю дорогу не сказал ни слова. Говорить, оказалось, нечего было. Да и жила она совсем рядом – через два дома от клуба. Даже если б и захотел сказать – ничего придумать я так и не успел. Через минуту мы были у ее дома. Через полторы ее калитка стукнула вслед за ней, уходящей, и я стоял один. Не более минуты. Тихо побрел один назад, в сторону дома, осознавая себя по-дурацки, так и не поняв: а что же я мог сделать и сказать? Шел мимо куста, где оставил гармонь. Идти домой было с километр, и я, еще раз глянув на куст повнимательней, подумал, что спрятана

гармошка надежно и вовсе никому не видна. И пошел домой налегке, не считая того груза на душе, что оставил мне первый опыт неудавшейся «дружбы».

– А, ладно, завтра опять сюда идти, – подумал я с облегчением.

Квакали лягушки с лимана, сладко пахло камышом, воздух был терпким и остывающим от знойного южного дня...

На другой день в сгущающихся сумерках я подошел к клубному крыльцу. Там были все, не было только Ленки. Обычная трепотня стихла, лишь стала различима в потемках моя приближающаяся фигура. Кто-то из ребят вышел из-под навеса крыльца, отвел меня чуть в сторонку и мне немедленно сообщил, что Ленка со мной дружить не хочет. Никаких мыслей суицидального характера во мне не возникло. Надо было подумать. Для этого я пошел в кусты, где спрятал гармошку. Гармошки там не было. Я поискал ее, обойдя все кусты, хоть и знал точно место, где она лежала.

Гармошку мою – еще и дедову – украли.

Это был день двойного краха, осознать который было несложно. Я был полный дурак. Беспечный. Бестолковый. И непредприимчивый. Я таких еще не встречал. Долго. Еще три года. До «последней армии». И еще несколько месяцев, пока работал после армии и «поступал». В институт.

А как поступил, так снова встретил. Себя. Бестолкового. Но

уже влюбленного. И умеющего играть на гармошке. В армии для этого была практика: старшина нашей батареи, почти земляк, прапорщик Ульянов из города Камышина, любил играть на гармошке. И заводил меня почти каждый вечер, на время ужина, в каптерку, где лежали гармонь и баян. Подзывал кого-нибудь из нашего отделения, совал ему в руки котелок, чтобы он на ужине набрал для меня картошки с мясом и принес.

– Ясно, Толокин?

Толокин, призванный из Чебаркуля, четко отвечал:

– Так точно, товарищ прапорщик.

Столовая была в соседнем городке нашей части, в полукилометре от нашего учебного городка. И пока наша батарея шла туда, ужинала и обратно возвращалась, маршируя под «Через две зимы...», у нас со старшиной был почти час, чтобы наиграться ему на гармошке, а мне сопровождать его на баяне. Играли с удовольствием, но дуэт окончательно так и не сложился: учебка моя закончилась, и я был переведен в другой военный городок.

Но любовь к гармошке у меня так и осталась. Сначала в качестве «дуэта» к баяну. А потом, постепенно – и как самостоятельному инструменту. Тем более и там и там – кнопки. На гармонии чуть поменьше, да и в два ряда. Но это было интереснее. И постепенно пришел к выводу, что – душевнее.

БАЯН ПЕРВЫЙ

Когда я учился в музыкалке, мне в первом классе купили полубаян «Ростов-Дон». Легкий, как раз по детским коленкам перво-

клашки. Сверкающий красными перламутровыми боками. С ним я прошел все премудрости учебы в музыкальной школе. Когда успехи

моей игры были признаны родней и я получил большую практику игры по свадьбам да дням рождения, то перед армией мне купили новый баян. К тому времени о моих успехах знал весь поселок, и на одной из поселковых свадеб, когда отдавали замуж дочь моего крестного Светку, ко мне подошел сосед, дядя Гриша, долго наблюдавший за моей игрой. Было ему уже лет за пятьдесят. И неожиданно попросил меня научить его играть на баяне. Я согласился,

и мы приступили к обучению дяди Гриши. Несколько занятий мы проводили на крыльце моего дома, но успехи были незначительные: у дяди Гриши не было своего баяна, и заниматься постоянной практикой у себя дома он не мог. Нужен был выход. «А зачем мне два баяна?» – подумал я и на очередном занятии просто подарил ему свой первый баян. И ушел в армию. Родители мне на это ничего не сказали. Ведь у меня уже был новый баян. Второй.

БАЯН ВТОРОЙ

Баян требовался на свадьбы и на дни рождения и после армии. Был он вологодской баянной фабрики (ВБФ). С регистрами: это такие кнопки, которые то усиливают звук, то чуть ослабляют, в зависимости от обстановки: массовая или интимная. Но на мастерство это никак не влияло. Тот факт, что мои музыкальные успехи отмечены были родней на свадьбах и днях рождения положительнее, чем казенными членами комиссии в музыкальной школе, родители решили купить мне инструмент посерьезнее. Я не помню, чтобы я был инициатором этой покупки (а стоил он тогда прилично – целая зарплата отца, который тогда только что вступил в должность главного инженера завода), но хорошо

помню, как мы вместе выбирали в магазине баян. Помнится: сверкали витрины магазина, и в магазине было просторно. И на полках стояли инструменты. Черный, с округлыми углами баян «ВБФ» глянулся мне сразу. Знал бы я тогда, 50 лет назад, как судьба меня сведет с Вологдой, которая выпускала это многозвучное чудо. Еще в магазине, пробуя голоса баяна, я словно заново заиграл «Полонез» Огинского, с удивлением чувствуя, словно играю не я, а «передают по радио» – до того ново и необычно было это насыщенное звучание.

Но жизнь распорядилась так, что мне нужно было уезжать, закончив институт. С собою я забрал и баян.

ГАРМОНЬ ВТОРАЯ. ПО БАРТЕРУ

Как раз в это время настали такие времена, которые с трудом вспоминаются ныне: времена бартера. Это было тогда, когда за работу перестали платить деньги, а стали выдавать заработанную плату собственной продукцией по

быстро вошедшему в жизнь принципу – «по бартеру». Или обменивались продукцией тех предприятий, с которыми имели производственные взаимоотношения. Так я сложным путем попал к людям, которые за какие-то мои услуги

расплатились со мною гармонию, которую в свою очередь получили как зарплату с Тульской баянной фабрики. Стоила она тогда, «теми деньгами», 30 тысяч. И я с удовольствием получил эквивалент своей зарплаты в виде красной гармошки под кодовым названием, похожим на какую-то межконтинентальную ракету, 301 – М.

Играла эта гармонь весело и звонко. Особенно в деревне, где я с семьей стал сажать картошку и выбирать ее в неподъемном для членов семьи количестве – до 30 мешков. Посадка, обработка и копка картошки требовала периодического пребывания в деревне, и я, тогда «безлошадный», чтобы не таскать с собой гармонь, так нужную во времена отдыха между грядками картошки, решил ее оставлять в деревне. Методом, испытанным и, как казалось мне, вполне надежным, – засовывал чехол с ней под

кровать, накрыв пустым мешком.

Метод оказался не очень надежным. Однажды зимой я приехал в деревню и не нашел ни гармони под кроватью, ни чугунной плиты на печи, ни в столе – продуктов. Все остальное, включая мелочи, украли страдающие от безработицы окрестные крестьяне, жившие теперь во времена перестройки.

– Слышь, Василич, – говорил мне доверчиво, твердо и уверенно кум. – Не суетись. Вор найдется. Сам по себе. Я их, этот сельский народ, знаю. Где-нибудь напьются, и кто-то скажет с обидой на другого: да? Ты это чего? об мне?! А помнишь, ты сам гармошку украл вот там-то?

Это оказалось правдой. Но времени с тех пор прошло больше 20 лет. А за это время у меня в руках перебывало еще с полдюжины гармоней. Каких? А вот и о них дальше расскажу.

ГАРМОНЬ ТРЕТЬЯ. ЕЛЕЦКАЯ РОЯЛЬНАЯ. НА АЛТАЙ. ВАСЕ

Несмотря на то, что и вторую гармонь украли, побывала она у меня несколько лет, и я успел настолько освоить и сжиться с хромкой, что совсем отставил баян. Голос баяна, по сравнению с теплым по-деревенски гармошечным, казался пафосным, городским. Утрата гармони была для меня существенной. Нужна была именно гармонь. А у знакомых уже завелась «Любительская» гармонь – мечта и гордость каждого гармониста. Как у кума, который постепенно тоже перешел с баяна, освоив игру сначала на моей гармонии, а потом нашел себе хорошую «Любительскую» гармонь.

– Откуда? – поинтересовался я.

– Да дал объявление в газету. Мне через день позвонили. У старушки от ее старика гармонь осталась. Вот, привел ее в нормальное состояние, очистил от краски, а то она была просто покрашена, половой краской. – Он ласково погладил ее бока, сверкавшие перламутровыми цветочками и ромбиками, окружавшими надпись, инкрустированную таким же перламутром – «Любительская». И дернул меха. Нет, не дернул, а просто потянул и извлек такой звук!

– Вот это да-а... Может, и мне попробовать дать объявление?

– Конечно, сходи в редакцию. Объявления-то копеечные.

И я дал объявление, что куплю «Любительскую».

Через несколько дней мне позвонили. Женский голос сказал, что от ее дедушки осталась гармошка. А играть некому.

– Любительская?

– А я и не знаю, я в них не разбираюсь. Приезжайте да посмотрите. Только я завтра уезжаю в Липецк, приехала на выходные мать проведать.

Назвала адрес. Оказалось – из села Талица, что километрах в 15. И я, не медля, поехал в Талицу. Нашел дом по фамилии, указанной в адресе. Постучался в оконце низкого, в две связи, дома. Вышла женщина средних лет, одетая по городскому.

– Здравствуйте!

– А, это вы, наверное, о гармонии спрашивали?

– Я.

– А, ну заходите.

Я зашел в сени. Женщина открыла дверь, ведущую налево.

– Вы проходите в избу. Там светлее. Я сейчас из горницы гармонь вынесу, – и шагнула в противоположную дверь.

Я вошел. Пахло лекарствами. За дощатой перегородкой скрипнула кровать, послышался старушечий голос:

– Валя! Кто там?

– Да это, мама, гармошку пришли поглядеть, – громко, чтобы хорошо было слышно, из сеней сказала Валя. И вошла, неся завернутую в ткань гармонь.

– А, – понятно ответила старуха.

Валя поставила гармонь на стол, развернула ткань.

– Ой, – она метнулась к печке, сняла с веревки утирку. – Дайте я ее хоть вытру.

И наскоро стала вытирать пыль с гармонии. Гармонь была не любительская, и даже не простая хромка.

– А, так это елецкая рояльная гармонь! А я давал объявление о «Любительской».

Женщина пожала плечами.

– Да я в них не разбираюсь, – она будто виноватилась за то, что гармонь оказалась не той.

– Ва-аль! – послышалось опять из-за перегородки. – Чего там?

Валя обернулась в сторону голоса.

– Да не такую, оказывается, гармонь искали. Говорят, это елецкая. Какая есть.

– Елецкая, елецкая. А то какая ж. Мой отец еще-ищэ играл на ей.

Я взял гармонь. Повертел ее. По всем приметам была она действительно старой. Черная, с промежуточной планкой на мехах, с красивой тонкой калевкой по углам, барочным рисунком потертых ручек на правой и левой руке. На ней не было даже ремня «через плечо», которыми стали снабжать елецкие роялки по моде баянной или обычных хромок где-то после войны. Даже следов креплений ремней не было. В старину, чтобы пройтись по улице, их носили на расшитых полотенцах, накинутых через шею и плечо. Обычно на старых гармониях выпадают голоса, поломаны планки, особенно если они лежали где-то в чулане или сарае. И я продел пальцы в петли из старой, иссохшейся и оттого потрескавшейся кожи. Потянул меха, они с хрустом разбежались, как обычно бывает у инструмента, на которой меха слежались, когда на нем долго не играли. Пробежался по клавишам. Голоса и басы были целы. Чуть вразбежку, вразлив звучали на сжим и разжим. Я заколебался: уж больно интересная гармонь: и старая, да и ее тоже освоить не помешало бы. Если что, можно «подшаманить».

Рассохшиеся меха подклеить, чтобы воздух держали, голоса подклепать. Я вздохнул, пожал плечами. Валя пытливо смотрела в глаза.

– Что, не годится?

– Да вот, не знаю. Хотел «Любительскую». А с этой надо заниматься, налаживать, настраивать. Зря вы ее в чулане держали, – и поставил гармонь на стол, глядя на нее в раздумье.

– Ну... зря... наверное.

Я решил:

– И сколько вы за нее просите?

Валя пожал плечами.

– Да... я и не знаю... А вы бы сколько дали?

Я назвал цену. Очень невысокую. Валя опять помялась.

– Да, уж мало, кажется.

– Ну, что ж. Мне другая нужна. А с этой надо еще заниматься. – И накрыл углом ткани гармонь.

Тут старуха, видимо поняв, что идет торг, подала голос.

– Ва-аль! Скока он просит?

Валя назвала и сказала, что ей кажется, что мало дают. И тут, даже не видя старухи, я понял, что та махнула рукой и уже твердо, хоть и негромко, сказала.

– Да отдавай хоть, как просит. Какие-никакие, а деньги. Ребятишкам хоть чего купишь. Все одно, пропадет гармонь. Кому она нужна. Сопреет в чулане.

Дома я с нетерпением вынул гармонь. Достал плоскогубцы, вынул штырьки, соединявшие меха с грифами. Гармонь была совершенно «музейная», каких не сыщешь сейчас даже в музее гармонии: двенадцать ее мехов были разделены надвое перегородкой и на ее наклепанных медных планках была выбита надпись «Вагинь. Въ Тулѣ». Значит, голоса были еще те – до-революционные, и мастер жил в те

далекие времена, когда концы слов писали с ерами. Гармонь действительно была старая и редкая. В музее гармонии я такой не видел.

Я пробовал играть на ней. Но, как говорится в пословицах, «не на то учился»: трудно было перейти с кнопок двухрядной хромки на горизонтальные клавиши елецкой роялки. Или, как еще раз убедился: «где родился, там и сгодился» – на ней бы с детства учиться играть, слушая и воспринимая наигрыши местных гармонистов. Так она и стояла у меня в кабинете, как украшение интерьера. Изредка брал ее в руки, чтобы послушать голос елецкой рояльной гармонии.

Эту гармонь я подарил Васе Вялкову – удивительному человеку, моему крестовому брату, в Горный Алтай, где жил он и где обитает его душа. Вася погиб в январе 2008 года в горах Горного Алтая, но сын его, Данилка, играет на гармонии отца, уцелевшей в той трагической катастрофе.

У Васи гостил я неделями и сейчас не могу понять, как он, при всей своей депутатской занятости мог столько времени давать мне, приехавшему праздновать юбилейные дни Шукшина. Ведь как только он вошел в предбанник нашей бабы Раечки в Сростках, он сразу стал своим, родным, знакомым и любимым всю свою жизнь. Как не подарить ему ту елецкую раритетную гармонь, которых нет пока еще и в музее. А на Алтае в музее Васи она есть. Как и другая гармонь, с которой он, усталый после 4 тысяч километров дороги, сидел у меня дома в Ельце и на вопрос под видеокамеру:

– Вась, дерни меха-то! – он очень устало отвечал.

– Да чё-то как-то не очень дёргается.

Он был тогда очень уставший, сменявший братку Юру за рулем все эти 4 тысячи. Ехали, не оставившаяся, трое суток. От их Турочака до моего Ельца. Но когда он и его Марина выходили потом на сцены елецких площадок, казалось – от усталости нет и следа!

Эх, Вася, Вася. Сколько дней счастья подарил он и его окружение нам, живущим за многие тысячи километров от него, от его могилы, нагруженной тяжким черным камнем с его изображением – яркого, веселого, с гармонью поперек груди. А гармонь, раритетная, елецкая рояльная, и сейчас у него в музее стоит.

Отвлекусь от рассказней о гармониях. Расскажу о человеке. Замечательном человеке. Он в жизни своей не только не знал одной ноты, но не имел даже слуха. А играл на гармонии на твердую «четверочку». Человек этот – елецкий мастер Егор Иванович Горбунов. Удивительный был человек. Я не побоюсь даже применить сейчас так несвойственное мне чужеземное слово «уникальный», то есть

удивительный, единственный в своем случае. Он, не имея ни слуха, ни образования музыкального, захотел играть на гармонии. И тому была причина: мой кум, Володя Комаров, вместе с Заволокиным сняли знаменитую передачу «Играй, гармонь». В Ельце, где Володя для Геннадия открыл и все музыкальные таланты, и все начальство вдруг перед телевизионным окном стало небезучастным к народному творчеству.

Егор Иваныч, не имея слуха, стал делать гармони. Елецкие. Рояльные. Инструмент этот особый, известный с середины XIX века. И сделал полтора десятка замечательных гармоней. И эту «музейную» роялку он мне подремонтировал.

Это и он потом, зная, что так хочу иметь «Любительскую» гармонь, говорил:

– Василич. Ты найди любую, хоть самую в дым разбитую. И я ее тебе исделаю и настрою.

Не вышло. Не дожил Егор Иваныч до того, как у меня появилась «Любительская». Но о том разговоре будет дальше.

ГАРМОНЬ ЧЕТВЕРТАЯ. НА ДОН. ПРАВИЛЬНЕЕ – НА ХОПЕР

Эту гармонь я подарил моему задушевному другу – Анатолию Мордвинцеву. На одном из фольклорных праздников в Москве, почти 20 лет назад, довелось слышать мне песни с Дона и Хопра. И очень запомнилась одна из них, которую запевал тогда Михаил Емельянов, родившийся на хуторе Ларинском, станицы Алексеевской. Чисто, словно бы и медленно, нехотя запевал эту донскую балладу, но так за душу брали и слова и непринятая мелодия этой песни. Так, что

хотелось петь ее потом. Правда, начало песни этой я пропустил. Пришлось потом додумывать. Благо, что весь фольклор построен на незыблемых законах: если песня народная, то в ней изложение мысли и душевного настроения начинаются «с природы». С состояния её. А все остальное, человеческое, к этому прикладывается. И подчиняется согласно настроению природы. Никак иначе песни и не складывались. Никак. Без исключения. Но с интонацией Михаила, запевавшего тогда.

В 2008 году, 30 сентября, разбудил звонок. Хриплый и такой знакомый голос:

– Василич?

– Тут я.

– Не спишь?

– Да уж нет.

Тут я угадал – земляк мой, Сергеев Юра. Юрий Васильевич. Писатель. С ним были в Якутии.

– Да я тут еду на Дон, на родину. На мои разные-всякие чествования к 60-летнему юбилею. Через полчаса проедем через Елец. Ты это... может, с нами поедешь, а?

– Давай. Заезжай. Еду!

Заехал на десять минут попить чаю и дальше – негаданно-нежданно – дорога на Дон. И новые люди – друзья. Уже потом, помимо Юры, дай Бог ему здоровья. Осталось в памяти: раннее утро 2 октября 2008 года, в его юбилейный день рождения. Стоим с ним у крайнего дома в Скуришенской. Сзади – скуришенский бугор с двумя курганами

и восходящее из-за них солнце.

А вечером в Скуришенском ДК, на его неизменных крашенных половицах бывшего атаманского дома, был концерт. И были песни. Донские, казачьи. И Анатолий дарил Юре плетенку с ведерной флягой домашнего вина. И опять были песни. Уже после сцены. И как-то мы с Анатолием душевно сошлись, и я ему пообещал привезти елецкую гармошку.

Не зря обещал. Нашел я ему гармошку. Настоящую, елецкую. И привез ему на Хопер. Это была замечательная поездка. Я тогда поехал со своими дочерьми: Настей и Верой. Каким счастьем светились их глаза: конец августа, впереди столько интересного и радостного. Нас и вправду встретили «на Дону» родные люди: Володя Скунцев, руководитель ансамбля «Казачий кругъ», и Анатолий Мордвинцев, и Валентина Кубракова из ансамбля «Станица».

ГАРМОНЬ ПЯТАЯ. НА ЕНИСЕЙ, МИХАИЛУ ТАРКОВСКОМУ

Была еще одна гармонь у меня. Получилось, что дважды даренная.

Зная, что гармошку мою в деревне украли и тоскую о ней, двухрядной, Володя, кум мой, как-то в день моего рождения подкатил под мои окошки, стукнул и стоял, улыбаясь, перед крыльцом. Настолько красноречиво улыбался! И коротко сказал:

– А знаешь, что тебе привез?

Я не знаю, как ещё можно было передать информацию актерам, игравшим какую-то роль в фильмах по неизвестным сюжетам. Не знаю. А вот Володя так загадочно и игриво поглядел на меня, что я сразу увидел его подарок, еще скрытый багажником его машины.

И тут же, не открывая багажника, я сказал:

– Знаю, Григорич! Там гармошка. Черная, совнархозовская. С тряпичным ремешком.

Он, все так же загадочно улыбаясь, открыл багажник.

Это был вариант: один из миллиона. И я его угадал. В багажнике лежала шуйская гармошка. Совнархозовская. 1955 года выпуска. Я даже цвет ее угадал. С тряпичным ремешком. Точно такая же, как и та, самая первая, дедовская, украденная в тех кустах моего опыта «дружить», которые помню и сейчас. Не знаю, как та, «моя» Ленка. Да простит она меня – я ее совсем не помню. И разницу я помню – не

Ленки, у которой я даже руки не тронул, а гармонии, отличавшейся именно тяжело бравшейся кнопкой левой руки. Третьей снизу. Дай Бог здоровья и сейчас, спустя полвека, тому, кто на ней играет.

А на этой, тихой, совнархозовской, гармонии, я поиграл и поездил – и в Индию, и в Сербию, и на Алтай, и в Якутию, и по разным местам нашей России. Пока не подарил ее Мише Тарковскому на Енисее в Бахте, куда судьба меня музыкальная занесла. Там, в Бахте, с этой гармонью совнархозовской, дали мы не один концерт с Володей Скунцевым, другом моим и братом

по Волгоградской еще музыкалке, где учились музыке. Володя по музыке и казачьему фольклору пошел так далеко, что стал руководителем ансамбля казачьей музыки «Казачий кругъ» – знаменитого на весь православный мир ансамбля. И, понятно, с Володей попели мы много, радуя жителей енисейских берегов казачьими песнями, пока двое суток на теплоходе добирались по Батюшке-Енисею до Бахты, до Миши Тарковского, замечательного русского писателя. Вот у Михаила, в школе бахтинской, я и оставил гармошку – пусть учатся играть и радуют местных жителей.

ГЛАВА КОРОТКАЯ. ПРОМЕЖУТОЧНАЯ. ГАРМОНЬ «ВЕРИЛОВСКАЯ». В ГИМАЛАЯХ

Была еще такая знаменитая на весь Союз писателей гармонь, которую называли «верилловская». Оттого, что под нее так хорошо пелась песня «Верила, верила я...» С этой песней прошли делегации Союза писателей не одну версту. Весело, уверенно, с радостью.

Эту гармонь в Дни Российской культуры в Индии мы подарили в Гималаи, в колледж искусств, индийским ребятишкам, предварительно дав им пару уроков русского фольклора. Они оказались настолько восприимчивыми, что через три дня вышли на сцену и вместе с нами на концерте пели казачьи песни. По-русски.

Эта «верилловская» гармошка осталась в Гималаях. И балалайка

моя – тоже. На них эти индийские, лет пятнадцати, ребятишки играли. Даже на сцене. И я жил три недели, не зная ни шей, ни пельменей, на одних лишь их крупах и лепестках-травках. А потом мы ехали в удивительное место – в городок Манали, где сохранилось изображение слона – самое древнее, с доэпических времен. А по дороге мы посадили ученицу коллежда... И была она необыкновенной красоты. Той самой, что предназначена лишь одному – единственному. Назавтра она выходила замуж. А все её, открытое для любого глаза тело, было доступно, как античные скульптуры... Почти целиком, скрывая лишь то, что не для любопытных глаз.

ГАРМОНЬ – ВОЛОДЕ СКУНЦЕВУ. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНАЯ

Этой главе можно столько посвятить времени! Ведь Володя не только тот, кто постигал рядом со мною крюки неведомой мне

музыкальной грамоты. Он после музыкальной школы получил высшее музыкальное образование, собрал и воспроизвел самое лучшее,

что хранил Дон, Хопер и все это великое русское пространство, что реками течет на юг. Где среди голосов тульской хромки, ливенки, звучит и крепкий голос елецкой рояльной гармошки. В один из приездов ко мне Володя обратил на нее внимание и сидел, подставив правое ухо, пробовал играть на ней. Спустя минут десять у него уже все уверенней

стало получаться. Одним словом, уезжал он от меня с этой елецкой гармошкой.

В долгу он не остался, и когда я был у него в гостях, то возвращался домой с его гармонью. Гармонь от Володи пришлась мне «по голосу», но надо б её подремонтировать. Оттого я к ней еще не припелся, и нужен ей мастер «по голосам».

СЕРЕЖА ПОДАРИЛ ГАРМОНЬ. САМУЮ НАИЛУЧШУЮ. ЛЮБИТЕЛЬСКУЮ. АВТОРСКУЮ

7 февраля 2015 года я возвращался из Волгограда. Вернее, переночевал у дядьки в Кузьмичах. Надо было попасть в Красное на юбилей батюшки, о. Сергия. Там, в Красном, я и заночевал у Сергея Евсеева. Полночи просидели с ним у него. Поговорили. От отца у него осталось несколько гармошек, в том числе необычная «Любительская»: черная, тяжелая, серьезная. Отец Сережи умер несколько лет назад. Я пропел несколько песен под нее и отметил вслух, что так легко петь под нее, только негромко, не напрягаясь. Мама его сидела тоже рядом, подпевала. А когда я под утро застегнул ремешки гармонии, перед тем как ложиться спать, Сережа спокойно сказал:

– А знаешь, Василич. Забирай ее. Дарю.

У меня не было слов, что сказать. А Сережа продолжил:

– Только не забывай. У нее есть мастер. Глянь сзади грифа.

Я заглянул за правый, голосовой гриф. Там на алюминиевой пластине каллиграфическим почерком было выгравировано «По особому заказу».

– И не забывай: заказчик и хозяин этой гармошки – Щетинин Виктор Алексеевич.

– Сереж, да я...

– И когда будешь где-то выступать, ты говори, чья это гармошка. Тогда и хозяина, вроде как, будете поминать. Он родственник отцов, гармонист был хороший, после его смерти гармонь отцу досталась. Держи!

Вот так просто и неожиданно в руках у меня оказался настоящий клад – гармонь «Любительская», да еще и с историей и именами мастера и владельца.

Она такая громкая. Она такая чистая. Звонящая. Любимая. Только те, кто слушает мои песни под нее, говорят, что песня-то красиво звучит, но меня за гармошкой почти не слышать. Видно, что заказчик не под свой голос заказывал её, а для «улицы». Там так важно, чтоб гармонь слышна была в разных концах села: слышной, громче, ярче, чем у других гармонистов.

Эта гармошка и теперь ездит со мной и радуется встречам с новыми людьми и со старыми друзьями. Вместе со мной.

НИКАРАГУА. «КАТЮША» В НАЦИОНАЛЬНОМ ТЕАТРЕ.

В мае 2015 года мы летели в Никарагуа на юбилейные дни Победы, которую, как ни странно, очень широко отмечали там, в этой центрально-американской стране. В три перелета, с двумя пересадками, спустя сутки мы добрались до Манагуа, никарагуанской столицы. Кроме ежедневных двух-трех выступлений в залах, университетах, военных городках, открытых площадках, домах эмигрантов первой волны и радио-телестудиях столицы, мы проехали с концертами еще по трем городам этой страны. И везде, на любом выступлении, от нас, кроме казачьих, русских народных песен, обязательно требовали спеть «Катюшу».

Никогда бы не поверил, чтобы мы, стараясь держать в своем репертуаре редкие песни, когда-нибудь спели запетую, как нам казалось, «Катюшу». А, оказалось, народ-то никарагуанский, он почти наполовину «наш еще», дорогой нам народ: многие из их руководителей и занимающих высокие государственные посты, они учились в нашей советской стране, в Киеве, Харькове, Ленинграде. Кто и в Москве – все учились у

нас, а потому и песни наши поют. Но «Катюшу» там любят особо. С этой песней бойцы-сандинисты шли в бой за освобождение родной страны от американской зависимости. Осознав это и приняв, мы решили петь ее чуть с налетом казачьей манеры исполнения, чтобы не отрываться от стилистики выступлений. Пели ее, как правило, в заключение своих концертов. Первое же исполнение «Катюши» в зале столичного университета так подействовало на зрителей, что один из них выбежал из зала в университетский двор и дал салют холостым, но очень убедительным выстрелом из гранатомёта! Это был один из сандинистов, которому мы подарили пилотку со звездой, и он немедленно надел ее и больше не снимал. Он тоже говорил по-русски, как и те, кто учился в Москве. И потом ездил с нами на все концерты, включая последний, который накануне отлета мы дали на самой большой сцене Никарагуа, в Национальном Театре Манагуа. И пели её вместе с национальным ансамблем Никарагуа, артисты которого вышли на сцену в шапках со звездами.

ГАРМОНЬ ЮРЕ МИХАЙЛОВУ. В МАРИИНСКЕ. НА ПРИТОКЕ ИРТЫША – КИЕ

Летом 2017 года возвращался я из Владивостока домой на машине. Даже не на одной, а на нескольких, до самого Красноярска. Михаил Тарковский снимал документальный фильм о староверах, и я ему нужен был, как попутчик-гармонист при главном герое. Потому ехал я то в его машине, Миши, то в основной, экс-

педиторской, машине с главным героем, Иванычем. Я был в образе «попутчика» его, главного героя. И потому оттенял его образ, его «жизненное начало». Этого начала в Иваныче и так было сверх меры, как узнал его за две недели киносвязей. Иваныч, старовер, придерживался строго своих староверческих обычаев и оттого

измучил всю киноэкспедицию запахом залежалой селедки. Постов было много, и Иваныч их придерживался. Строго. И ел в пост селедку. Но и выпивать не забывал. Это был странный пост у Иваныча. Я-то его, поста, не придерживался и потому позволял себе где-то по дороге, в одной из кафешек, выпить кружку пива. Иванычу же, по мнению кинематографического сообщества, этого делать было ни в коем случае нельзя. Это только по мнению киносообщества, но не Иваныча. Он тоже перехватывал кружку пива, когда мы оставались. Но селедку он ел отдельно и спокойно: или вечером, когда уходил свет, или утром. В остальное время селедка ехала в машине.

До Красноярска из Владивостока мы ехали в рабочем режиме, зная, что основные планы сняли. На развилке Иркутск – Якутск, огромной, взгроможденной на сотни лет вперед, был снят эпизод «Подсаживается главный герой». И гармошка – та самая, красная, Афанасиевская, была тогда в кадре. И пела по мысли режиссера что-то тягучее, дремотное, что обычно поется где-то дома, с полузакрытыми глазами. Когда мы, отметив половину пути долгой дороги до дома от Тихого океана, заехали в Мариинск, то и осели на сутки у Юры Михайлова, у дорогого моему сердцу Михалыча. Чудо-человек. Сами Эмиры с ним фотографировались и улыбались при этом вовсе не натужно: Юра всякого эмира мог развеселить помимо их неведомых эмировских языков!

Одним словом: гармошку – красную, любимую – любительскую, я оставил Юре. Ведь голос ее так хорошо совпадал с голосом

его, Юры, и его жены Тани. Просто – как будто они всю жизнь ждали этой минуты, когда эта гармонь заедет в их песенные края.

А судьба этой красной гармонии была не проста. Ведь я всю жизнь, как и всякий, кто играл на гармонии, желал иметь в руках «Любительскую». Эту надпись желал видеть на боках своей гармонии всякий, кто играл на гармошке. Но стоило это счастье денег невероятных. Неподъемных для простого жителя.

Случилось это счастье и со мной.

В очередной раз заехал за мной кум Володя. И сказал, что есть на примете гармонь «Любительская». И что она продается. Совпадения, что «есть» и что «продается», были невероятные. Но так и случилось. Гармонь мне продали. И почему-то в навязку с простой гармошкой. Отчего-то они продавались «в паре», а не каждая сама по себе. Основная, «Любительская», гармонь оказалась еще ценнее, чем ее предполагал продавец. Это была гармонь знаменитого Афанасия Иваныча Матюхина! Украшавшие ее бока цветочки показались мне очень знакомыми, и однажды, просматривая какие-то старые видеоматериалы наших встреч в деревне, я увидел знакомые гармошки в руках Афанасия Ивановича. Я вскочил и вынес гармонь и снова включил видеозапись. Да. Это была та самая, Матюхинская, гармонь. Спустя треть века – из рук в руки – я подарил ее Юре Михайлову. Из Черноземья в Сибирь! И тем радуюсь, что голоса их – гармонии и Юры с Таней – совпали! И так к лицу их – Юры и Тани – эти цветочки с боков этой «Любительской» гармошки.

А ведь у Афанасия Иваныча «дельной», как говорит мой кум Володя, гармони-то не было. Хоть гармонист-то он был изрядный и куча гармоней стояла у него на комодe. Он и в школе пропустил класс свой, чтобы заработать на гармонь денег, работая пастухом. И играл потом на всех матанях деревенских. И ни-

кто с ним равняться даже не смел – самородок.

И долго не было у него «дельной» гармони. А вот самая «дельная» досталась мне, а потом и прижилась в Сибири, у хорошего человека. У Михалыча.

И Михалыч пел под эту гармонь свои песни. Те, что пел и Вася Вялков. Вот как дело закрутилось.

КРАЙНЯЯ ГАРМОНЬ

Гармонь маленькую, детскую, неделю назад – подарил своему внуку, только что родившемуся. В три кнопки по левой руке и в семь – по правой. И не важно, какую

он будет предпочитать. Главное, что нашу, родную музыку играть будет мой внук. Савелий Несторович.

* * *

Начал писать эти записки 25 июля 2018 года в Вологде. Что-то дальше будет?

25.07.2018, Вологда – 13.01.2019 г. Елец.

